

ВЫХОДА НЕТ: ЗАБЛУЖДЕНИЯ ЭНДИЗМА*

Уже второй год международная ситуация обсуждается исходя из модных теоретических концепций. В 1988 г. такой концепцией был упадок Америки. Эту идею развили многие мыслители. Прежде всего Пол Кеннеди. Теория „упадка” стала фокусом длительных напряженных споров о том, вступили ли Соединенные Штаты на путь Великобритании, т. е. путь утраты роли мировой державы, и что подрывает их экономическую основу: чрезмерные затраты на оборону и/или на потребление?

Однако в 1989 г. рассуждения об упадке США сменил „эндизм” — теория, центральное положение которой состоит в том, что нашим несчастьям скоро придет конец.¹ Эндиизм проявляет себя по меньшей мере в трех ипостасях. В наиболее конкретном плане он восторженно констатирует конец холодной войны. Весной 1989 г. именно эту идею в той или иной форме высказывали газета „Нью-Йорк Таймс”, Центр международных и стратегических исследований, Джордж Кеннан и Джордж Буш. Окончание холодной войны стало неопровержимой истиной для нашего внешнеполитического истеблишмента.

На другом уровне идеология эндиизма выражается в более общем теоретическом утверждении о наступлении эры окончания войн между национальными государствами, по крайней мере между некоторыми из них. В этой связи многие исследователи отмечают отсутствие войн между демократическими странами и увеличение, начиная с 1974 г., числа стран с демократической системой правления, что свидетельствует об ослаблении военной опасности в целом. Эта же идея была высказана в

* От слова „The end” — конец. — Ред.

несколько иной форме Майклом Дойлом, который утверждал, что невозможны войны между либеральными государствами. Наконец, Джон Мьюэллер трактовал эту проблему еще шире, утверждая, что войны устаревают вследствие самого прогресса цивилизации, и поэтому они обречены на исчезновение, как в свое время рабство и практика дуэлей.² Между отсталыми странами третьего мира они еще могут порой случаться, но между развитыми странами — и капиталистическими, и коммунистическими — они попросту немислимы.

В третьей и самой радикальной форме концепцию эндизма сформулировал Фрэнсис Фукуяма в блестящем эссе „Конец истории?“. Фукуяма провозгласил конец не только холодной войны и не только прекращение войн между развитыми странами, но „конец истории как таковой“. Такой итог вытекает из утверждения о „ничем не омраченной победе экономического и политического либерализма“ и „полном истощении некогда жизнеспособных альтернатив западному либерализму“. Фукуяма, как и Мьюэллер, допускает возможность войн между все еще находящимися в тенетах исторического процесса странами третьего мира. Но что касается развитых стран, Советского Союза и Китая, то в них история уже прекратила свое течение.

Эндизм, этот интеллектуальный пунктик 1989 г., резко контрастирует с теорией упадка — академической причудой года 1988. Эта теория умеренно пессимистична. Ее пессимизм укоренен в анализе исторических процессов и основывается на исторических параллелях между Соединенными Штатами конца XX века, Британией конца XIX века и Францией, Испанией и другими великими державами прошлого. И сторонники и противники теории упадка обсуждают правомерность этих параллелей, пользуясь в качестве аргументов конкретными данными по экономическому росту, продуктивности, военным расходам, инвестициям и накоплениям.³ Эндизм, напротив, ориентирован скорее не на прошлое, а на будущее и несокрушимо оптимистичен. В самой широкой своей форме, включая работу Фукуямы, эндизм базируется преимущественно не на историческом анализе, а на философских спекуляциях, на исторических гипотезах,

нежели на точных данных. В крайней форме теория упадка проявляется как исторический детерменизм: все нации естественно и, возможно, неизбежно, проходят через фазы подъема, расширения и упадка; все они сжаты в объятиях истории без какого-либо шанса вырваться. В крайней форме эндизма, напротив, нации представлены освобожденными от оков исторического процесса.

Для американцев основной смысл теории упадка заключается в утверждении „мы проигрываем“, а эндизма — „мы победили!“. Несмотря на детерминистическую окраску или, возможно, даже благодаря ей, теория упадка выполняет полезную историческую функцию: она предупреждает о нарастающем кризисе и ориентирует его на преодоление. Эта теория и сегодня служит той же цели, что и в 1950-х, 1960-х и в 1970-х годах. Эндизм же, напротив, не предупреждает об опасности, а создает иллюзию благополучия, настраивает не на контрмеры, а на благодушное самодовольство. Поэтому последствия этой идеи в случае ее ошибочности будут куда опаснее и разрушительнее, нежели последствия ложности теории упадка.

КОНЕЦ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

„Холодная война уже позади“ — весной 1989 г. этот возглас был у всех на слуху. Что это значит? Как правило, это утверждение относилось к двум взаимосвязанным процессам: к переменам в Советском Союзе, обычно обозначаемым словами „гласность“ и „перестройка“, и ко все улучшающимся советско-американским отношениям. Как выразилась газета „Нью-Йорк Таймс“, „закончилась холодная война ядовитых страстей, раздиравших Америку и СССР; внутривнутриполитическая истерия; преувеличенная и искаженная конфронтация между Востоком и Западом реакция на события, порождавшая почти непрерывные дипломатические тупики“.⁴ Это утверждение можно оспорить по нескольким пунктам.

Во-первых, соответствует ли оно истине? За ослаблением напряженности в советско-американских отношениях в конце 1950-х годов последовал берлинский, а за ним кубинский кризисы, а за детантом 1970-х — Ангола и Афганистан. Как же знать,

что нынешнее потепление — не просто очередное качание того же маятника? Один из ответов состоит в том, что теперешние внутренние перемены в СССР куда серьезнее всех происходивших там в прошлом, и это, разумеется, действительно так. Открывшаяся ныне возможность политических споров; хоть ограниченное, но все-таки реальное соперничество на выборах; формирование различных политических групп вне КПСС; фактический отказ от идеи монолитности самой компартии; провозглашение высшей властью Верховного совета — все эти сдвиги, если они окажутся устойчивыми, приведут к радикальному изменению советской политической системы и с каждым днем увеличивается цена, которую пришлось бы заплатить за попытку повернуть ход событий вспять. Но было бы преждевременным утверждать, что все эти тенденции уже необратимы, тем более, что в будущем попытки сделать их обратимыми могут стать и менее дорогостоящими.

На международном уровне Советский Союз принял участие в разрешении региональных конфликтов в Персидском заливе, Южной Африке и Индокитае, обещал снизить общую численность своих вооруженных сил и ограничить их контингенты в Восточной Европе. К настоящему времени, однако, ощутимых изменений в структуре этих сил, в их размещении и в советском производстве вооружений пока не произошло. Впрочем, даже если это случится, соперничество между СССР и США за авторитет и влияние в мировых делах все равно никуда не исчезнет. Оно продолжается и сейчас, когда Буш и Горбачев обхаживают восточно- и западноевропейское общественное мнение. Стоит вспомнить в этой связи, что именно Европа была тем местом, где началась холодная война. Этот континент — далеко превосходящая все прочие по важности ставка в ней, так что горбачевский флирт с европейским общественным мнением может оказаться не меньшей угрозой американским интересам, чем брежневские танки (которые есть и у Горбачева, по крайней мере, сейчас).

Признаем, однако, что в некотором значимом и непреходящем смысле холодная война, действительно, закончилась и советско-американские отношения претерпели реальные изменения. Как же защитники этого тезиса видят мир по завершении

холодной войны? Редакторы „Нью-Йорк Таймс“ заверяют нас, что прежний мир „мы — они“ уступает место „более традиционной конкуренции великих держав“. Исходя из этого Джордж Кеннан предлагает рассматривать Советский Союз „прежде всего как одну из великих держав, подобную прочим великим державам“. Интересы СССР могут отличаться от наших, но эти различия могут быть „урегулированы обычным путем переговоров и согласований“.⁵

Россия, однако, была „одной из великих держав“ за несколько столетий до превращения в коммунистическое государство. В этом качестве она нередко размещала свои войска в Европе и подавляла в центральной Европе народные восстания. Советские войска потопили в крови венгерскую революцию 1956 г. и растоптали в зародыше чехословацкую демократию в 1968 г. Русские войска потопили в крови венгерскую революцию 1848—1849 гг. и жестоко подавили польские восстания в 1831 и в 1863—1864 гг. Советские войска заняли Берлин в 1945 г. — русские заняли и сожгли его в 1760-м. В качестве орудия великодержавных интересов России русские армии появлялись во многих местах, куда советские войска до сих пор еще не вступали: в 1799 г. русские части заняли Милан и Турин и воевали на подступах к Цюриху; тогда же они оккупировали Ионические острова у берегов Греции и оставались там до 1807 г. Эти походы предшествовали вторжению Наполеона в Россию. В качестве великой державы Россия постоянно участвовала в разделах Польши. Николай II в 1914 г. непосредственно управлял большей частью Европы (включая большую часть польских территорий), чем сегодня Горбачев.

Таким образом, прошлые деяния России в качестве „нормальной“ великой державы не внушают больших надежд по части свободы Восточной Европы или безопасности западной. Кое-кто считает, что нынешние либеральные и демократические тенденции в Советском Союзе уже не позволят этой стране быть дубиной над головами других народов, как при царях. Как утверждает Фукуяма, нельзя считать, что „эволюция человеческого сознания в промежутке между революцией и нашим временем остановилась и что советская власть, стремящаяся воспринять самые модные экономические идеи, в сфере внешней

политики вернется к воззрениям, которые для остальной части Европы уже на протяжении столетия являются анахронизмом". Здесь Фукуяма прав: нельзя считать, что Советы непременно вернуться к негативной практике прошлого, но в равной мере нельзя утверждать и обратного. Возможно, Горбачеву удастся покончить с коммунизмом, но и ему не дано изменить географию и геополитические императивы, столетиями направлявшие поведение сначала России, а затем Советского Союза. Кроме того, как известно из опыта латиноамериканских стран, даже демократическая сверхдержава может осуществлять военное вмешательство в дела меньших соседских государств.

Джон Льюис Гаддис отметил, что эра холодной войны была и эрой длительного мира, самым продолжительным в истории периодом без настоящих военных столкновений между великими державами. Означает ли конец холодной войны также и окончание этой длительной мирной эпохи? Определяющими элементами того и другого были биполярность и ядерные вооружения — они-то в значительной степени и установили характер советско-американского соперничества и его границы. Конец холодной войны повлечет ослабление этой биполярности, даже если это и не будет означать, как предсказывают некоторые сторонники теории упадка, появления в мире пяти или более приблизительно одинаково могущественных великих держав. Делегитимизация ядерного оружия и дальнейшее ограничение его размещения и потенциального использования может увеличить вероятность обычной войны.

Активное американское участие в мировых делах проявилось преимущественно в двух мировых войнах и в длительной идеологически стимулированной холодной войне. Отсутствие германского кайзера, Гитлера, Сталина и Брежнева вполне может успокоить американцев и вселить в них веру в автоматическую победу мира, доброй воли и международного сотрудничества, и в то, что, коль скоро холодная война ушла в прошлое, отношения между Америкой и Советским Союзом могут уподобиться ее отношениям с Канадой, Францией и Японией. Американцы рассматривают конфликты и конкуренцию как вполне нормальные и даже желательные явления в своей экономике и внутренней политике и странным образом считают их ненормальными и нежелательными в отношениях между государст-

вами. В реальности, однако, история отношений между великими державами в периоды, когда между ними не было состояний горячей войны, обычно была историей холодных войн.

Конец холодной войны не означает окончания политического, идеологического, дипломатического, экономического, технологического или даже военного международного соперничества. Он не означает окончания борьбы за власть и влияние. Вполне вероятно, что конец холодной войны приведет к усилению нестабильности, непредсказуемости в международных отношениях, применению насилия и может означать конец длительного мира.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

В своем втором воплощении концепция эндизма постулирует прекращение войн между определенными типами национальных государств. Ряд авторов, включая Дина В. Бабста, Р. Дж. Раммела и Брюса Рассета, указывают, что между демократическими режимами со времени их установления в начале прошлого века не случалось крупных межгосударственных войн. Подобным же образом Майкл Дойл утверждает, что либеральные режимы (в его интерпретации это несколько более широкое понятие, нежели демократические режимы, как их определяет большинство исследователей) связаны между собой „мирным союзом". По его словам, „основанные на конституциях либеральные государства пока еще не вступали в войны друг с другом, и даже угрозы войной рассматривают как незаконные".

Если принять во внимание множество войн между недемократическими режимами, а также между демократическими и недемократическими странами, почти полное отсутствие вооруженных конфликтов между демократиями и вправду выглядит удивительным. Как говорит Брюс Рассет, это, „возможно, самое сильное нетривиальное или нетавтологичное утверждение, которое можно сделать относительно международных отношений". Кажется также правдоподобным, что отсутствие войн вытекает именно из природы этого способа правления. Демократия — средство мирного разрешения споров, включающее пере-

говоры и компромиссы, выборы и голосование. Лидеры демократических стран вполне могут рассчитывать на возможность решения конфликтов с лидерами других демократических государств исключительно мирными средствами. Например, после второй мировой войны несколько раз случалось, что конфликты, могущие привести или действительно приведшие к войнам, сглаживались, когда вовлеченные в них страны демократизировались. Так, разногласия между, с одной стороны, Великобританией и, с другой, Аргентиной, Гватемалой и Испанией по поводу остатков английской колониальной империи (одно из которых действительно привело к войне, а другие вызвали серьезные военные приготовления) значительно уменьшились, когда эти страны стали демократическими. Точно так же после демократических выборов в Греции и Турции в 1980-е годы конфликт между ними пошел на убыль.

Демократическая „зона мира” — это важнейшее историческое явление. Если этот тип взаимоотношений сохранится и демократический способ правления будет распространяться и в дальнейшем, то войны в будущем, возможно, станут намного реже, нежели в прошлом. Этот аргумент энциклопедистов действительно имеет прочную эмпирическую базу. Что же касается обоснования с его помощью окончательного прекращения войн, то здесь надлежит сделать три уточнения.

Во-первых, среди государств современного мира демократические страны покамест все еще составляют меньшинство. Согласно обзору Дома Свободы за 1989 г., только 60 из 167 суверенных государств мира могут считаться свободными, хотя определение свободы в этом обзоре довольно мягкое. У остальных 107 несвободных государств есть множество возможностей покорить и друг с другом, и с демократическими государствами.

Во-вторых, хотя число демократических государств растет, этот рост происходит не монотонно, а скорее по принципу „два шага вперед — шаг назад”. В XIX веке прокатилась основная волна демократизации, но в 1920-е и 1930-е годы нашего века произошел заметный поворот к авторитаризму. За следующей волной демократизации после второй мировой войны последовали попятные движения 1960-х и 1970-х годов. Третья волна де-

мократизации началась в 1974 г. — с тех пор 15—20 государств преодолели эволюцию в демократическом направлении. Если регулярность волн демократизации будет такой же, как и в прошлом, то некоторые из новых демократий имеют шанс возвратиться к авторитарности. При этом вероятность войн в ближайшем будущем скорее увеличится, чем уменьшится, хотя и останется все-таки меньшей, чем в 1974 г.

Наконец, мир между демократическими государствами может быть объяснен случайными внешними факторами, а не природой демократии. Например, в XIX веке войны обычно происходили между соседствующими странами. Демократических государств тогда было мало и они почти не граничили друг с другом. Следовательно, отсутствие войн могло быть вызвано просто недостаточной географической близостью.⁶ После второй мировой войны большинство демократических стран вошло в систему союзов, возглавленную США и направленную против объединения недемократических режимов. Доминирующее положение Соединенных Штатов предотвращало войны между прочими членами этого союза (например, между Грецией и Турцией). Если лидерство Америки ослабеет и система союзов станет менее прочной, вероятность войн между ее членами вполне может возрасти.

Таким образом, аргументация, основанная на существовании „демократической мирной зоны”, поныне остается в силе, но не обязательно останется таковой в будущем.

Джон Мьюэллер в своей книге „Отход от Судного дня” приводит более общие аргументы в поддержку тезиса о том, что войны сходят на нет. Длительный послевоенный мир Мьюэллер объясняет не биполярностью и наличием ядерного оружия, а скорее осознанием того, что войны не приносят ожидаемых результатов и что лишь в немногих конфликтах интересов между странами все участники имеют рациональные причины попытаться достигнуть своих целей военными средствами. Вторая мировая война была отступлением от характерной для XX века тенденции избегать войн — автор объясняет возникновение этой войны главным образом идиосинкратичной и иррациональной натурой Гитлера. Чем более развитыми и цивилизованными становятся страны, тем более склонны они к миру. По Мьюэллеру,

модель будущего для каждой страны — это Дания, а американо-канадские отношения — образец будущих отношений между государствами.

Мьюзллер приводит много аргументов в пользу того, что войны „устареют и станут неприемлемыми даже на уровне подсознания”, недопустимыми в цивилизованном обществе подобно тому, как это случилось с рабством и дузлями. Но почему, однако, именно эти социальные явления должны считаться адекватными параллелями войнам? Почему не убийство? Убийство считается неприемлемым в цивилизованных обществах на протяжении тысячелетий, однако маловероятно, что процент убийств в Нью-Йорке XX столетия меньше соответствующей величины для Афин V века до н. э. После второй мировой войны развитые страны не вступали в крупные военные конфликты друг с другом, но в эти же годы широко распространилось насилие как на международном, так и на внутрисоциальном уровне, и число жертв этих видов насилия достигает десятков миллионов.

Мьюзллер и сам существенно уточняет свои аргументы. Он соглашается, что между менее развитыми странами войны будут продолжаться. Он признает также, что иррациональные вожди вроде Гитлера могут и в будущем ввергнуть свои страны в войну. Хотя, по словам Мьюзллера, экономические соображения являются сильным аргументом против развязывания войн, экономическое процветание, однако, „даже сегодня не всегда является доминирующей целью”. Даже в мире развитых стран существуют территориальные проблемы, которые, в принципе, могут вызвать войну за территориальное расширение или переустройство. Сейчас холодная война разрешается мирными средствами, но нет гарантии, что эта тенденция сохранится и на будущее.

Тезис о прекращении или даже сокращении войн порождает более общую проблему. Как указал Мичими Мурануши (Йельский университет), мир может быть не кумулятивным, а скорее держаться на самоограничении. Укрепление мирных отношений между какими-то двумя странами способно в определенных обстоятельствах увеличить вероятность того, что обе они вместе или одна из них вступят в войну с третьей страной. Пакт между Гитлером и Сталиным открыл путь к нападению на

Польшу, а нормализация американо-китайских отношений облегчила войну между Китаем и Вьетнамом. Ослабление угрозы со стороны СССР может снять ограничители на войну между Грецией и Турцией.

Кроме того, если все больше стран будут вступать на датский путь умножения благосостояния и отказа от войн, это само по себе может породить ситуацию, которую другие страны пожелают использовать в своих интересах. История полна примеров, когда беднейшие общества побеждали своих более состоятельных и менее воинственных соседей.

КОНЕЦ ИСТОРИИ

„Конец истории” — это всеохватывающая, драматическая и вдохновляющая формула. Что под этим понимает сам Фукуяма? В основе его аргументации лежит предположение о перемене политического сознания во всех основных обществах нашего мира и о широком распространении консенсуса относительно либерально-демократических принципов. Этот тезис провозглашает победу одной определенной идеологии и последующее отмирание всех и всяческих идеологий и идеологических конфликтов как значимых факторов человеческого существования. Однако выбранный автором язык наводит на мысль, что он, возможно, имел в виду нечто более масштабное, нежели просто отмеченное Мьюзллером отмирание войн или предсказанный Дэниэлом Белпом двадцать пять лет назад конец идеологии.

Рассуждения Фукуямы о войнах страдают теми же дефектами, что и соображения Мьюзллера. Фукуяма признает, что „конфликты между странами, уже вышедшими и еще не вышедшими из исторической фазы, возможны”. При этом он причисляет СССР и Китай к странам, уже освободившимся от пут истории. По его словам, нынешние советские лидеры уже приняли „концепцию конца истории” и „универсального однородного государства, иначе говоря, послегитлеровской Европы”. Однако Фукуяма признает, что СССР еще может вернуться к российскому славянофильскому шовинизму и тем самым задержаться в исторической фазе.

Фукуяма высмеивает идею, что Германия и Франция могут вновь воевать друг с другом. Это справедливо, но не имеет отношения к делу. Сто лет назад можно было с равным правом указать на невозможность в будущем войны между Пенсильнией и Виргинией. Это обстоятельство, однако, не предотвратило Соединенные Штаты, куда входили оба эти штата, от участия в мировых войнах в следующем столетии. Одна из исторических тенденций заключается в слиянии меньших территориальных единиц в более обширные. Вероятность войн между первыми действительно уменьшается, но этот вывод не распространяется с неотвратимостью на вторые. Объединенное европейское сообщество может сделать невозможной войну между Францией и Германией, но его существование не исключает возможность войны между этим сообществом и другими политическими образованиями.

По отношению к Китаю Фукуяма утверждает, что „китайская агрессивность и экспансионизм на мировой сцене фактически сошли на нет“, и, как он настоятельно подчеркивает, не возникнут вновь. Однако можно привести более убедительные аргументы в пользу противоположного тезиса; китайскому экспансионизму еще предстоит появиться на мировой сцене. Англия и Франция, Германия и Япония, США и СССР — все эти страны сделали экспансионистскими и империалистическими державами в процессе индустриализации. Китай сейчас лишь приступает всерьез к созданию своей индустриальной мощи. Возможно, его развитие не пойдет по обычному пути и он не будет стремиться к расширению своего могущества и влияния, но как можно быть уверенным в таком необычном исходе? Если же Китай последует стандартным образцам, то эта страна с миллиардным населением, встав на путь империалистической экспансии, по всей вероятности, удержит в исторической фазе остальной мир.

Фукуяма вполне обоснованно подчеркивает роль сознания, идей и идеологии в мотивации и действиях людей и наций. Он так же прав, что коммунизм практически погиб как идеология — стал „великим провалом“, если использовать фразу Бжезинского. Было бы, однако, ошибкой выводить из упадка коммунизма глобальный триумф либерализма и исчезновение идеологии как движущей силы мировых событий.

Во-первых, возможно возрождение коммунизма. Подчас комплексы идей и идеологии способны исчезать с исторической сцены, чтобы возродиться с новой силой через одно или два поколения. В 1940-е—1960-е годы в экономическом мышлении доминировали идеи кейнсианства, государства всеобщего благоденствия, планирования и социальной демократии. Тогда нелегко было найти какие-либо доводы в поддержку концепций классического экономического либерализма. К концу 1970-х, однако, он необыкновенным образом возродился: экономисты и экономические институты, верившие в 1950-е годы в план, в 1980-х уверовали в рынок. Точно так же специалисты в области социальных наук в течение послевоенных десятилетий утверждали, что религия, национализм и этническое сознание неизбежно уйдут в небытие под напором модернизации и экономического развития. Но в 1980-е годы как раз эти факторы стали доминирующими в политических событиях в большинстве стран. Возрождение религии сегодня феномен глобального масштаба. Коммунизм в настоящее время в упадке, но рано утверждать, что его время ушло навсегда.

Во-вторых, даже всеобщее принятие либеральной демократии не снимает возможности конфликтов внутри самого либерализма. История идеологии — это история ересей. Столкновения между сторонниками различных толкований одной и той же идеологии зачастую гораздо острее и напряженней конфликтов между приверженцами сильно отличающихся идеологий. Для верующего еретик хуже атеиста. В 1500 г. в Европе существовало идеологическое единомыслие относительно христианства, но оно не предотвратило взаимострелбления католиков и протестантов в течение последующих полутора столетий. Социалисты и коммунисты, троцкисты и ленинцы, шииты и сунниты обращались и обращаются друг с другом подобным же образом.

В-третьих, триумф какой-то одной идеологии не предотвращает появления новых идеологий. Возможно, в процессе развития наций и обществ возникнут новые угрозы благосостоянию человечества, и в качестве ответа на них люди создадут новые понятия, теории и идеологии. Вряд ли исчезнут все социальные, экономические и политические различия, и люди будут изобретать новые верования, санкционирующие их права на то, чем они уже обладают, и оправдывающие их притязания на

большее. Коммунизм, например, кроме своих прочих функций, исторически легитимизировал власть интеллектуалов и бюрократов. Если он навсегда ушел в прошлое, то, весьма вероятно, что и те и другие разовьют новые системы идей, чтобы по-новому оправдать их претензии на власть и богатство.

В-четвертых, победила ли уже либеральная демократия? Как признает и сам Фукуяма, в третьем мире этого пока не произошло. Но в какой степени она уже признана на деле в Китае и в СССР, население которых составляет четвертую часть всего человечества? Если какая-то тенденция реально действует в современном мире, то это стремление каждого общества вернуться к своей традиционной культуре, ценностям и типам поведения. Эта тенденция проявляется, в частности, в возрождении традиционной сути и характера восточноевропейских стран, освобождающихся от наложенного на них советским коммунизмом мертвящего единообразия, равно как и в растущей дифференциации национальных республик в самом Советском Союзе. Россия и Китай не испытывали недостатка в элементах либерализма и демократии в своей истории. Значение их, однако, было лишь вторичным, что оттеняется теми проблемами, с которыми сегодня сталкивается экономический либерализм в СССР и политическая демократия в коммунистическом Китае.

С более общей точки зрения тезис Фукуямы свидетельствует не об исчезновении марксизма, а о его устойчивости. Выдвинутая Фукуямой идея конца истории целиком восходит к Марксу. Фукуяма говорит об „универсальном однородном государстве”, в котором „все прошлые противоречия оказываются разрешенными, а все человеческие потребности — удовлетворенными”. Что это такое, как не марксистское видение общества без классовых и иных противоречий и конфликтов, организованного по принципу „от каждого по способностям, каждому по потребностям”? Исторические столкновения, как говорит Фукуяма, „будут заменены экономическими расчетами, бесконечным решением технических проблем, экологическими соображениями и удовлетворением многообразных и усложненных потребительских требований”. Энгельс утверждает то же самое даже короче, говоря, что на смену управлению людьми приходит управление предметами и организация процесса произ-

водства. Фукуяма считает либерализм концом истории. Маркс видел в коммунизме разгадку тайн истории. Все они в принципе говорят одно и то же и, что еще важнее, — мыслят примерно одинаково. Марксистская идеология все еще жива и присутствует в аргументах Фукуямы, направленных на ее опровержение.

ДВА ЗАБЛУЖДЕНИЯ

Советский Союз все более погружается в решение своих насущных проблем, что сопровождается заметным ослаблением политического контроля внутри страны. Идеологическая напряженность раннего периода холодной войны практически исчезла, а вероятность горячей войны между обеими сверхдержавами сегодня меньше, чем когда бы то ни было. Между развитыми индустриальными странами война еще более невероятна. Эти утверждения эндистов справедливы. Однако в их широких обобщениях содержатся две ошибки.

Во-первых, эндизм преувеличивает непредсказуемость истории и стабильность существующих в данный момент тенденций, хотя они могут и не сохраниться в будущем. Опыт прошлого с несомненностью свидетельствует, что возможность их сохранения крайне маловероятна. Обществоведы вообще не особенно удачливы в своих прогнозах. Пятнадцать лет назад, когда демократическая волна только зарождалась, политические аналитики изобретали разные глубинные причины и объяснения того, что авторитаризм непременно воцарится в третьем мире. Десять лет назад журналы по международной политике были заполнены предупреждениями относительно усиления военного могущества СССР и его политического влияния во всем мире. Кто из специалистов по СССР предсказывал пять лет назад масштабы случившихся с тех пор в этой стране перемен? Принимая во внимание ограниченность человеческого предвидения, предсказания эндистов относительно конца войн и идеологических конфликтов вызывают изрядную долю скептицизма. К тому же в нынешней атмосфере благодушия совсем не грех здраво поразмыслить о будущих бедах, которые современные аналитики не способны предсказать.

Во-вторых, эндизму свойственно игнорировать слабость и иррациональность человеческой природы. Его аргументы

часто основываются на допущении, что человек всегда будет стремиться к благосостоянию просто потому, что у него есть для этого рациональные причины, и, следовательно, будет избегать разрушительных и убыточных войн и мелких идеологических конфликтов. Люди иногда и в самом деле рациональны, великодушны, мудры и изобретательны, но столь же часто они глупы, эгоистичны, жестоки и греховны. Та борьба, которая и есть история, началась с вкушения запретного плода и укоренена в самой человеческой природе. В истории случаются тотальные поражения, но не бывает всеобъемлющих решений. Пока существует человеческий род, ему никуда не уйти от травм исторического процесса.

Рассчитывать на благополучный финал истории — это очень по-человечески, но ожидать его наступления — нереалистично, а основывать на этой вере свои планы на будущее — губительно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Иногда задают вопрос, действительно ли сторонники эндазма всегда верят в эту концепцию. Затрачиваемые ими интеллектуальные усилия и время наводят на мысль об их полной серьезности, из чего я и намерен исходить. Поскольку же аргументы эндистов пользуются широкой популярностью, они заслуживают серьезного рассмотрения.
- 2 Michael W. Doyle, "Kant, Liberal Legacies, and Foreign Affairs," *Philosophy and Public Affairs*, vol. 12 (Summer, Fall 1983), pp. 205–235, 323–353, and "Liberalism and World Politics," *American Political Science Review*, vol. 80 (December 1986), pp. 1151–1169; John Mueller, *Retreat from Doomsday: The Obsolescence of Major War* (New York: Basic Books, 1989). Еще см. Dean V. Babst, "A Force for Peace," *Industrial Research*, vol. 14 (April 1972), pp. 55–58; R. J. Rummel, "Libertarianism and International Violence," *Journal of Conflict Resolution*, vol. 27 (March 1983), pp. 27–71; Ze'ev Maoz and Nasrin Abdolali, "Regime Types and International Conflict, 1816–1976," *Journal of Conflict Resolution*, vol. 33 (March 1989), pp. 3–35; Bruce Russett, "The Politics of an Alternative Security System: Toward a More Democratic and Therefore More Peaceful World," in Burns Weston, ed., *Alternatives to Nuclear Deterrence* (Boulder: Westview Press, forthcoming 1989).
- 3 Тщательный анализ данных и аргументов по этой проблеме можно найти в книге Joseph S. Nye, Jr., "American Power: Past and Future" (New York: Basic Books). (В настоящий момент книга готовится к печати).
- 4 "The Cold War Is Over," *New York Times*, April 2, 1989, p. E30.
- 5 "Just Another Great Power," *New York Times*, April 9, 1989, p. E25.
- 6 См. David Singer and Melvin Small, "The War-Proneness of Democratic Regimes, 1815–1965," *Jerusalem Journal of International Relations*, vol. 1 (Summer 1976), p. 67.